Изъ исторіи Россіи конца XVIII столѣтія.

(Три неопубликованныхъ документа изъ исторіи рода графовъ Паниныхъ).

Всеволода Саханева.

…мѣстѣ съ эмиграціей оказалось вывезеннымъ заграницу большое …ество матеріаловъ историческаго значенія. Прежде всего выве… были архивы различныхъ учрежденій и организацій, такъ или … связанныхъ съ бѣлымъ движеніемъ, не говоря уже объ архи… бѣлыхъ армій. Та же судьба постигла архивы нѣкоторыхъ учреж… находившихся на территоріяхъ, на которыя эти арміи базиро…ь. Такъ оказался въ эмиграціи архивъ Войска Донского. Вмѣ…ь тѣмъ попали заграницу въ довольно большомъ числѣ и архивы …ые и семейные. Наконецъ, здѣсь же оказались и архивы чисто …атурные. Назовемъ, такіе архивы, какъ напр., Н. П. Вагнера (Кота …ыки), содержащій такіе цѣнные матеріалы, какъ значительное …ество писемъ Достоевскаго, Менделѣева, Суворина, Побѣдонос… и др.; архивы Л. Н. Андреева, Е. Н. Чирикова и проч. Однако, … своеобразная Россика не ограничилась. Заграницей оказались, …енные сюда еще въ прежнее время или возникшіе здѣсь, архивы …орыхъ политическихъ партій и группировокъ, отдѣльныхъ учреж… правительственнаго характера (не говоря о консульскихъ архи… — архивы различныхъ учрежденій, возникшихъ за время войны, …) и нѣкоторые семейные архивы (напр. архивъ Васильчиковыхъ, …жащій весьма цѣнные матеріалы, доходящіе до начала XIX вѣка.)

…ля сосредоточенія вмѣстѣ и храненія матеріаловъ, относящихся …йнѣ и революціи, возникъ спеціальный Русскій Заграничный …ическій Архивъ въ Прагѣ. Однако, ему вскорѣ пришлось зна…но расширить хронологическія рамки въ обѣ стороны, вклю…въ свои задачи собираніе матеріаловъ, относящихся какъ къ рус… эмиграціи (нынѣшней а равно и старой, до-военной), такъ и ко … освободительному движенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ него начали

Изъ исторіи Россіи конца XVIII столѣтія.

(Три неопубликованныхъ документа изъ исторіи рода графовъ Паниныхъ).

Всеволода Саханева.

Вмѣстѣ съ эмиграціей оказалось вывезеннымъ заграницу большое количество матеріаловъ историческаго значенія. Прежде всего вывезены были архивы различныхъ учрежденій и организацій, такъ или иначе связанныхъ съ бѣлымъ движеніемъ, не говоря уже объ архивахъ бѣлыхъ армій. Та же судьба постигла архивы нѣкоторыхъ учрежденій, находившихся на территоріяхъ, на которыя эти арміи базировались. Такъ оказался въ эмиграціи архивъ Войска Донского. Вмѣстѣ съ тѣмъ попали заграницу въ довольно большомъ числѣ и архивы частные и семейные. Наконецъ, здѣсь же оказались и архивы чисто литературные. Назовемъ, такіе архивы, какъ напр., Н. П. Вагнера (Кота Мурлыки), содержащій такіе цѣнные матеріалы, какъ значительное количество писемъ Достоевскаго, Менделѣева, Суворина, Побѣдоносцева и др.; архивы Л. Н. Андреева, Е. Н. Чирикова и проч. Однако, этимъ своеобразная Россика не ограничилась. Заграницей оказались, вывезенные сюда еще въ прежнее время или возникшіе здесь, архивы нѣкоторыхъ политическихъ партій и группировокъ, отдѣльныхъ учрежденій правительственнаго характера (не говоря о консульскихъ архивахъ, — архивы различныхъ учрежденій, возникшихъ за время войны, и т. п.) и нѣкоторые семейные архивы (напр. архивъ Васильчиковыхъ, содержащій весьма цѣнные матеріалы, доходящіе до начала XIX вѣка.)

Для сосредоточенія вмѣстѣ и храненія матеріаловъ, относящихся къ войнѣ и революціи, возникъ спеціальный Русскій Заграничный Историческій Архивъ въ Прагѣ. Однако, ему вскорѣ пришлось значительно расширить хронологическія рамки въ обѣ стороны, включивъ въ свои задачи собираніе матеріаловъ, относящихся какъ къ русской эмиграціи (нынѣшней а равно и старой, до-военной), такъ и ко всему освободительному движенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ него начали

просачиваться матеріалы и общеисторическаго значенія, входящіе въ составъ различныхъ архивовъ (архивъ Васильчиковыхъ). По особымъ условіямъ въ немъ же хранится и богатѣйшій чисто научный архивъ покойнаго Корреспондента Россійской Академіи Наукъ въ Римѣ, проф. Е. Ф. Шмурло, содержащій большое количество выписокъ изъ архивовъ итальянскихъ. Однако, такіе матеріалы попадаютъ въ Рус. Загр. Истор. Архивъ въ Прагѣ лишь въ видѣ исключенія. Если литературные архивы имѣютъ еще надежду найти себѣ то или иное пристанище, а архивы чисто научнаго характера могутъ попасть иногда въ общіе архивы того или иного государства, то большое опасеніе вызываетъ судьба отдѣльныхъ случайныхъ документовъ историческаго значенія, также оказавшихся въ эмиграціи. Иногда на рукахъ отдѣльнаго эмигранта оказываются такіе неожиданные документы, какъ напр., столбцы московскаго государства XVI-XVII столѣтія. Ихъ судьба не можетъ не вызывать опасеній и обязанностью каждаго историка является необходимость немедленно ихъ изучить и, по возможности, опубликовать.

Такого рода случайные документы попали къ намъ въ руки уже десять лѣтъ тому назадъ. До сихъ поръ не было возможности опубликовать ихъ изъ-за недостатка необходимыхъ изданій для справокъ. Это препятствіе и до сихъ поръ еще не вполнѣ преодолѣно. Однако, интересъ самихъ документовъ понуждаетъ насъ использовать ихъ для настоящей работы.

На рукахъ одного православнаго священника-эмигранта, получившаго приходъ въ Подкарпатской Руси, оказалось пять автографовъ. Одинъ изъ нихъ является автографомъ извѣстнаго стихотворенія Тютчева «Дымъ», переписаннаго авторомъ на листкѣ почтовой бумаги съ незначительными варіантами по сравненію съ печатнымъ текстомъ. Другой документъ представляетъ собою отпускъ (или черновикъ) указа Сенату 8 сентября 1770 г. о назначеніи доктору медицины Лукѣ пенсіона [1]) и три документа происходятъ изъ архива графовъ Пани-

---

[1]) Приводимъ текстъ этого указа. Въ скобки ( ) заключены буквы, вынесенныя надъ строкой. Косой линіей / отмѣчено окончаніе каждой строки.

„Указъ нашему Сенату / СПетербургъ / 8 Сентября / 1770 /. Находившемуся при волохско(м) / Господарѣ Князѣ Гикѣ, и по / о(т)бытіи ево (вписано надъ строкой „о(т)сюда“) оставшемуся / (на полѣ написано и потомъ зачеркнуто „о(т)сюда“) вдѣсь медицины доктору Лук / въ разсужденіи оказанныхъ намъ / какъ ево такъ и о(т)ца ево за- / слугъ, всемилостивѣйше / жалуемъ ежегоднаго пенсиону / по 600 (ру) въ годъ, и повелѣваемъ / оную сумму о(т)пускать / (на полѣ „къ нему“ и далѣе стоитъ зачеркнутое, очевидно, ранѣе ошибочно написанное „ему“) изъ Статсъ Канторы“.

ныхъ. Это прежде всего предписаніе, данное княземъ М. Голицынымъ полковнику Панину о переводѣ его съ мѣста коменданта г. Пернова въ дѣйствующую армію, датированное 21 декабря 1714 г.; затѣмъ собственноручное письмо А. В. Суворова, адресованное гр. Н. П. Панину съ поздравленіемъ его по случаю назначенія его вице-канцлеромъ, писанное въ Аугсбургѣ 29 октября 1799 г.; и, наконецъ, собственноручное письмо гр. Н. П. Панина, писанное имъ неизвѣстному адресату 6 декабря 1825 г. Три послѣднихъ документа, объединенныхъ принадлежностью къ одному семейному архиву, представляютъ особый интересъ. Правда, всѣ они ничего новаго не сообщаютъ и, на первый взглядъ, кажутся не имѣющими особаго значенія. Однако, нѣкоторыя детали въ каждомъ изъ нихъ даютъ основанія сдѣлать нѣкоторые выводы, освѣщающіе съ новой точки зрѣнія уже извѣстныя обстоятельства.

Родъ Паниныхъ въ исторіи Россіи сыгралъ весьма значительную роль, особенно въ Екатерининскую эпоху. Значеніе фактическаго руководителя внѣшней политикой Россіи почти въ теченіе всего царствованія Екатерины II, Никиты Ивановича Панина, не нуждается въ поясненіи. Менѣе извѣстна роль его брата, Петра Ивановича, усмирителя Пугачевскаго возстанія. Еще менѣе извѣстно значеніе Никиты Петровича Панина, игравшаго значительную роль во внѣшней политикѣ Россіи при Павлѣ I и въ первый годъ царствованія Александра I. Между тѣмъ, послѣдній олицетворялъ собою самостоятельное направленіе въ русской внѣшней политикѣ и сознательно велъ Россію по тому пути, по которому она вынуждена была обстоятельствами идти позже, когда Никита Петровичъ находился уже въ ссылкѣ. Судьба Паниныхъ интересна еще и въ томъ отношеніи, что нѣкоторые эпизоды ихъ жизни, происходившіе у всѣхъ на глазахъ, до сихъ поръ еще остаются неразъясненными и непонятными.

Впервые источники упоминаютъ о Паниныхъ въ XVI вѣкѣ, когда въ 1530 г. въ бою во время Казанскаго похода погибъ Василій Панинъ. Въ семейной традиціи рода Паниныхъ сохранилось преданіе о томъ, что родъ ихъ вышелъ въ XV вѣкѣ изъ Италіи. Традиція эта нашла себѣ кажущееся подтвержденіе въ письмѣ, напечатанномъ въ 1876 г. въ «Русскомъ Архивѣ». Такъ какъ это письмо носитъ характеръ документальнаго доказательства, воспроизводимъ здѣсь его текстуально:

„Monsieur,

C'est avec un extrême plaisir que j'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date du 3me Sept. passé. Ayant appris par elle que vous avez reçu les armes et arbres de notre famille que je vous

ai envoyés. Je voudrais être capable de vous donner des plus grandes marques de mon attention en tout ce que pourrait vous faire plaisir que je ferai du meilleur de mon coeur. Pour ce qui regarde ce vous me demendez, combien sommes nous de familles ici de notre nom, j'aurrai l'honneur de vous dire qu'il y en a trois, toutes jouissantes de la noblesse et Dieu merci en très-bon état, et j'ai vu avec plaisir qu'il y en eu chez vous quatre familles et toutes de même et en très-belles charges. Je leur souhaite toutes sortes de prosperité, et en particulier à votre maison que j'estime et considère beaucoup.

Pour ce que regarde mes titres, lorsque vous voudrez m'honorer de mes lettres, vous pourrez le faire de la même manière dont vous avez fait jusqu' à présent, et j'aurai toujours un extrème plaisir de recevoir de temps en temps de vos chères nouvelles, et d'autant plus me seront agréables lorsqu' elles seront accompagnées de l'honneur de vos commandemans, n'ayant autre ambition que de vous fair connaître que je suis serai toute vie, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur et parent.

à Lucques, ce 6 Décembre 1718. *Christ. Pagnini.*

A monsieur de Pannin, général majeur et premier commissaire de guerre de Sa Majesté Czarienne à Danzig". — [1])

Публикуя настоящее письмо, П. Бартеневъ дѣлаетъ къ нему слѣдующее примѣчаніе: «Нижеслѣдующее письмо, сохранившееся въ семейномъ архивѣ княгини М. Я. Мещерской (ур. гр. Паниной) ...итальянское происхожденіе которыхъ было извѣстно доселѣ только по преданію. Это письмо Христофора Панини изъ Лукки, писанное въ Данцигъ, 6 декабря 1718 года, къ отцу знаменитыхъ графовъ Никиты и Петра Ивановичей, генералу-поручику Ивану Васильевичу Панину, коего предки, по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, переселились въ Россію еще въ XV столѣтіи.[2])

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что дѣйствительно предки Паниныхъ переселились въ XV вѣкѣ изъ Лукки въ Россію. XV вѣкъ — это періодъ весьма оживленныхъ сношеній московскаго государства съ Италіей, когда въ значительномъ числѣ появляются въ Москвѣ итальянскіе мастера и когда самъ государь, Иванъ Васильевичъ, добивается руки византійской принцессы, живущей въ Италіи. Возможно, что именно въ ея свитѣ оказался одинъ изъ представителей дома итальянскихъ Панини, акклиматизировавшійся при московскомъ дворѣ и съ теченіемъ времени совершенно обрусѣвшій.

---

1) Русскій Архивъ, 1878 г., № 3, стр. 376.

2) Ibid.

Однако, не слѣдуетъ забывать и еще одного факта, именно — что XV вѣкъ это эпоха, когда московскій великокняжескій дворъ начиналъ подумывать о «царскомъ» титулѣ. Для этого онъ пытался книжнымъ путемъ установить родословную своихъ государей, возводя ее къ римскому императору Августу. То, что дѣлали господа, стремились сдѣлать для себя и ихъ слуги, и въ это время могла возникнуть и традиція въ родѣ Паниныхъ о ихъ итальянскомъ происхожденіи.

Что касается письма Христофора Панини, то оно никакъ не можетъ считаться документальнымъ доказательствомъ. Изъ него мы узнаемъ, что, повидимому, Ив. Вас. Панинъ, будучи по «комиссарскому дѣлу» въ Данцигѣ и имѣя свѣдѣнія о луккскихъ Панини, писалъ представителю этого рода и получилъ отъ него, какъ родословное дерево, такъ и гербъ этой семьи. Онъ отвѣтилъ на эту присылку, и вышеприведенное письмо Христофора Панини является отвѣтомъ уже на это второе письмо. Въ самомъ письмѣ никакихъ указаній на выѣздъ представителей рода Панини изъ Италіи въ Россію нѣтъ и единственнымъ доказательствомъ является лишь заключительная фраза письма, въ которой Христофоръ Панини называетъ себя родственникомъ Ив. Вас. Панина. Единственный выводъ, который мы имѣемъ право сдѣлать изъ этого письма, это тотъ, что Христофоръ Панини считалъ себя родственникомъ русскихъ Паниныхъ, если только его заключительная фраза не является актомъ простой вѣжливости по отношенію къ генералу русской арміи. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны ни родословное дерево, ни гербъ, присланные Христофоромъ Панини И. В. Панину, какъ неизвѣстно и его первое письмо, въ которомъ могло содержаться интересующее насъ указаніе на выѣздъ кого либо изъ рода Панини въ XV вѣкѣ въ Россію.

Если же отказаться отъ итальянскаго происхожденія рода Паниныхъ (ссылка на нерусское окончаніе фамиліи «Пан-инъ», вмѣсто русскаго «Пан-овъ» при славянскомъ корнѣ «пан», не можетъ считаться рѣшающей, такъ какъ кромѣ графовъ и дворянъ Паниныхъ извѣстны и другіе Панины, напр. въ XVIII вѣкѣ граверъ С. А. Панинъ, сынъ подъячаго,[1]) а также донскіе казаки Панины, да и кромѣ того можно назвать цѣлый рядъ старыхъ русскихъ фамилій съ окончаніемъ -инъ — напр. Кикинъ, Савинъ, Канкринъ и т. д.), то переписка между Ив. Вас. Панинымъ и Христофоромъ Панини можетъ получить нѣсколько иное освѣщеніе. Какъ извѣстно, россійская геральдика получила свое за-

---

1) Русскій Біографическій Словарь, томъ „Павелъ, преподобный — Петръ (Илейка)“, Спб. 1902, стр. 249.

конное оформленіе только при Павле I, однако, первые гербы въ Россіи появляются во второй половинѣ XVII вѣка.[1]) Какъ увидимъ далѣе, родъ Паниныхъ впервые сталъ выдвигаться въ верхи русской знати при Петрѣ I. Едва ли не Иванъ Васильевичъ первый достигъ высокихъ степеней именно послѣ перевода его изъ Пернова въ дѣйствующую армію. Къ этому же времени относится и его женитьба на племяницѣ всемогущаго А. Д. Меньшикова. Панинъ почувствовалъ необходимость обосновать свое высокое положеніе и въ доказательство его изпользовалъ существовавшую традицію итальянскаго происхожденія для установленія фамильнаго герба.

Но какого бы происхожденія ни былъ родъ Паниныхъ, первыя упоминанія о немъ мы встрѣчаемъ въ 1530 г. въ извѣстіи о смерти въ бою Василія Панина. Послѣ этого цѣлый рядъ представителей этой фамиліи постоянно находимъ при московскихъ государяхъ.[2]) При Иванѣ Грозномъ трое Паниныхъ, Дмитрій Матвѣевичъ, Фома и Андрей, состоятъ рындами. На третьей свадьбѣ его же въ качествѣ поѣзжанъ фигурируютъ двое Паниныхъ — Никита и Федоръ. Далѣе родъ Паниныхъ сильно разростается и число его представителей на службѣ московскаго государства сильно увеличивается. Со времени Михаила Федоровича можно уже прослѣдить непрерывную линію рода до нашихъ дней. Но кромѣ того, въ различныхъ источникахъ упоминается цѣлый рядъ отдѣльныхъ представителей этой фамиліи, которыхъ трудно привязать къ какой либо опредѣленной линіи многочисленной уже тогда семьи. Такъ, при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ извѣстенъ еще стольникъ Андрей Тимофеевичъ Панинъ. Тогда же жилъ и занималъ, повидимому, высокое положеніе еще Илларіонъ Панинъ, такъ какъ его отпѣвалъ патріархъ Іоасафъ 19 марта 1687 года въ церкви св. Николая Чудотворца, что въ Толмачахъ за Москвой-рѣкой. Къ началу XVIII столѣтія, въ 1699 году, извѣстно уже 12 Паниныхъ, владѣвшихъ населенными имѣніями.

Первымъ представителемъ рода, отъ котораго можно прослѣдить непрерывную линію потомства, является Никита Федоровичъ Панинъ, за усердіе по службѣ пожалованный царемъ Михаиломъ Федоровичемъ совершенно необыкновенной по своей величинѣ прибав-

---

1) В. Лукомскій, Гербовѣдѣніе. Новый Энциклопедическій Словарь, Брокгауза и Ефрона, томъ XIII, стр. 156.

2) Для родословія Паниныхъ см.: П. Долгоруковъ, Россійская родословная книга, часть II, Спб. 1855, стр. 165-167; П. Петровъ, Исторія родосл. россійск. дворянъ, I, стр. 302-303; Русскій Біографическій Словарь, томъ „Павелъ, преподобный — Петръ (Илейка)“, Спб. 1902, стр. 176-248.

кой къ окладу въ 130 руб. Очевидно, заслуги Никиты Федоровича выходили изъ ряду вонъ. Принадлежавшее ему въ Лихвинскомъ уѣздѣ, въ Черепецкомъ стану, село Сицкое, княжъ-Михайлово тожъ, сохранилось въ его роду до половины XIX вѣка и принадлежало тогда его потомку въ седьмомъ колѣнѣ, полковнику Никитѣ Егоровичу Панину.[1]) Служебный путь Никиты Федоровича опредѣляется слѣдующими этапами: въ 1618 году онъ сидитъ воеводой во Ржевѣ Владимировой; въ 1626 г. получаетъ, какъ отмѣчено выше, крупную прибавку къ окладу; въ 1627-29 годахъ совмѣстно съ подъячимъ Семеномъ Копыловымъ составляетъ писцовыя книги Заонежскихъ погостовъ Водлозерскаго и Оштинскаго становъ; въ 1635 г. находимъ его опять въ воеводскомъ званіи въ Суздалѣ.[2])

Второе поколѣніе Паниныхъ представляютъ сыновья Никиты Федоровича, Василій и Иванъ Никитичи. Иванъ Никитичъ въ 1636 г. сидѣлъ воеводой въ Козьмо-Демьянскѣ. Оставилъ послѣ себя дочь Прасковью, вышедшую замужъ за кн. Дм. Вас. Ромодановскаго, и сына Ивана Ивановича, бывшаго стольникомъ, и въ 1666 г. сидѣвшаго воеводой въ Пелыми, а въ 1671 г. — въ Саранскѣ. Скончался Иванъ Ивановичъ 17 марта 1702 г. Отъ Ивана Никитича и его сына Ивана Ивановича идетъ родъ Паниныхъ, оставшихся въ дворянствѣ.

Болѣе извѣстна біографія второго сына Никиты Федоровича, Василія Никитича. Въ 1647 г. онъ пожалованъ изъ стряпчихъ въ стольники и въ этомъ чинѣ упоминается еще въ 1658 и 1668 годахъ. Во время похода 1655-56 годовъ онъ состоитъ головой у татарскихъ мурзъ. Во время возстанія Стеньки Разина онъ состоитъ посыльнымъ воеводой у кн. А. Долгорукова и вмѣстѣ съ кн. Ю. Барятинскимъ наноситъ рѣшительное пораженіе мятежникамъ 7 декабря 1671 г. у дер. Баевой и 8 декабря у с. Тургенева довершаетъ ихъ разгромъ. Сто лѣтъ спустя, унаслѣдовавшій военные таланты своего дѣда, внукъ Василія Никитича, Петръ Ивановичъ, окажетъ ту же услугу русскому государству, ликвидировавъ мятежъ Пугачева. Въ 1673 г. Василій Никитичъ пожалованъ въ думные дворяне и въ томъ же году назначенъ воеводой въ Сѣвскъ, гдѣ, однако, онъ провоеводствовалъ не болѣе года и скончался въ 1674 г.

---

1) П. Долгоруковъ, op. cit. часть II, стр. 165.

2) Намъ неизвѣстны годы ни рожденія ни смерти Никиты Федоровича, но хронологически вполнѣ возможно считать его сыномъ Федора Панина, фигурировавшаго въ октябрѣ 1572 года въ качествѣ поѣзжанина на третьей свадьбѣ Ивана Грознаго. Если это такъ, то непрерывная линія рода Паниныхъ восходитъ ко второй половинѣ XVI столѣтія.

Слѣдующее, третье, поколѣніе Паниныхъ находимъ въ рядахъ Петровскаго окруженія. Если ихъ нельзя причислить непосредственно къ средѣ «птенцовъ Петровыхъ», то во всякомъ случаѣ они очень близки къ нимъ и идутъ все время въ первыхъ рядахъ. Старшій сынъ Василія Никитича, Василій Васильевичъ, проходитъ еще путь московскаго служилаго человѣка. Онъ былъ стольникомъ при дворѣ царицы Маріи Ильиничны, а позже — при дворѣ царя Федора Алексѣевича. Но уже слѣдующій, Андрей Васильевичъ, неся все время тяготы военной службы при Петрѣ Великомъ, дослуживается до чина генералъ-майора. Наконецъ, третій, Иванъ Васильевичъ, съ молодыхъ лѣтъ находясь при московскомъ дворѣ, выдвигается въ самые первые ряды. Родился онъ въ 1673 г. Когда началась его военная карьера, намъ неизвѣстно, но уже въ 1700 году, «въ декабрѣ мѣсяцѣ, отпущены изъ Новогорода послѣ Ругодевской службы къ Москвѣ начальные люди, а въ полку и по се число не явились: Капитаны: Иванъ Васильевичъ сынъ Панинъ».[1]) Въ 1712 г. въ числѣ другихъ Иванъ Васильевичъ получилъ приказаніе поселиться на о. Котлинѣ, но обосновался ли тамъ, неизвѣстно, такъ какъ вскорѣ же, повидимому, былъ назначенъ комендантомъ г. Пернова, гдѣ онъ командовалъ и полкомъ въ чинѣ полковника. Сохранилось письмо Петра Великаго отъ 23 іюня 1714 г., адресованное Ивану Васильевичу, какъ перновскому коменданту.[2]) Въ декабрѣ 1714 г. онъ получаетъ новое назначеніе въ дѣйствующую армію и съ этихъ поръ занимаетъ все время высшія военно-административныя должности. Въ 1716 г. онъ управляетъ «комиссарскими дѣлами» въ Ростокѣ; въ 1718 г. служитъ по комиссарскому же дѣлу въ Данцигѣ, откуда вступаетъ въ переписку съ предполагаемымъ родственникомъ Христофоромъ Панини изъ Лукки; въ 1720 г. онъ назначенъ обер-штер-кригс-комиссаромъ при кавалеріи въ Украинскомъ корпусѣ; въ 1722 г. въ томъ же званіи состоитъ управляющимъ Главнымъ Военнымъ комиссаріатомъ и завѣдуетъ раздачей жалованья и амуниціи въ Низовомъ корпусѣ; въ 1726 г., оставаясь въ той же должности, произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1734 г. — въ генералъ-поручики и въ томъ же году уволенъ отъ

---

[1]) Отмѣтки Государя на выпискѣ изъ донесенія генералъ-маіора фон-Вердена фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Письма и бумаги Петра Великаго, томъ II, часть 1, стр. 286. Изъ той же выписки узнаемъ, что тогда же убитъ Капитанъ русскій „Алексѣй Васильевъ сынъ Панинъ“. Стр. 276. Это, вѣроятно, еще одинъ изъ сыновей Василія Никитича.

[2]) Собраніе писемъ Императора Петра I къ разнымъ лицамъ съ отвѣтомъ на оныя. Часть I, Спб. 1829, стр. 249-250. Собраніе Берха.

Родословная таблица Паниныхъ

(примѣнительно къ очерку).

- Никита Федоровичъ
  - Василій † 1674
    - Василій
    - Андрей
    - Иванъ 1673-1736
      - Александра кн. А. Б. Куракинъ
      - Анна И. И. Неплюевъ
      - Никита 1718-1783
      - Петръ 1721-1789
        - Никита 1770-1836
          - Александръ 1791-1850
          - Викторъ 1801-1874
            - Владиміръ
              - четыре дочери
          - Софья 1797-1833
          - Аделаида 1798-1829
          - Вѣра 1808-1841
        - Софья 1772-1837 Ив. Вас. Тутолминъ
    - Дарья кн. Д. А. Щербатовъ
  - Иванъ
    - Иванъ † 1702
      - Алексѣй † 1762
        - Иванъ
          - Алексѣй
            - Николай
        - Александръ 1713-1764
          - Федоръ
            - Алексѣй
            - Иванъ
          - Егоръ
            - Софья
            - Варвара
            - Вѣра
            - Алексѣй
            - Никита
              - Юрій
              - Алексѣй
        - Василій
          - Анна
          - Алексѣй
            - Николай
            - Александръ
              - Валерьянъ
      - Фекла Кн. Мих. Юр. Щербатовъ
    - Прасковья кн. Дм. Вас. Ромодановскій

службы. Однако, онъ покидаетъ лишь военную службу и въ 1735 г. назначенъ къ постоянному присутствію въ Московской сенатской конторѣ. Женатъ былъ Иванъ Васильевичъ на племянницѣ А. Д. Меньшикова, Аграфенѣ Васильевнѣ Еверлаковой (род. 1688, сконч. 20 августа 1753 г.). Скончался Иванъ Васильевичъ 11 мая 1736 г.

У Василія Никитича была еще дочь, Дарья Васильевна, вышедшая замужъ за кн. Дм. Андр. Щербатова.

Изъ четвертаго поколѣнія Паниныхъ по линіи Ивана Никитича отмѣтимъ сына Пелымскаго воеводы Ивана Ивановича, Алексѣя Ивановича. Родился онъ въ 1675 г. и уже въ 1696 г. состоялъ на службѣ въ л-гв. Семеновскомъ полку въ чинѣ поручика. Въ 1709 г. произведенъ въ капитанъ-поручики. Въ 1712 г. получаетъ приказаніе поселиться на о. Котлинѣ, а въ 1714 г. переѣхать въ Петербургъ и построить тамъ себѣ домъ. Въ 1715 г. произведенъ въ капитаны, а въ 1717 г. состоитъ смотрителемъ работъ въ Кронштадтѣ и Ораніенбаумѣ. Въ 1718 г. онъ входитъ въ составъ суда надъ Алексѣемъ Петровичемъ и подъ приговоромъ стоитъ его подпись въ числѣ другихъ. Въ 1720-26 годахъ онъ въ чинѣ полковника служитъ вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ и когда-то въ тѣ же годы получаетъ производство въ генералъ-маіоры. Въ 1727-30 годахъ занимаетъ постъ Смоленскаго губернатора. Въ 1733 г. состоитъ товарищемъ сенатскаго члена гр. С. А. Салтыкова въ Московской сенатской конторѣ и носитъ званіе сенатора, а въ 1734 г. достигаетъ поста президента Ревизіонъ-Коллегіи. Въ 1740 г. согласно прошенію уволенъ въ отставку и скончался въ глубокой старости въ 1762 г. Одинъ изъ его двухъ братьевъ, Александръ Васильевичъ въ 1754 г., вѣроятно, уже въ концѣ своей служебной карьеры занималъ постъ Нижегородскаго губернатора.

По линіи Василія Никитича у Ивана Васильевича было двѣ дочери — Александра Ивановна, бывшая замужемъ за кн. Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, и Анна Ивановна, замужемъ за д. т. сов. Ив. Ив. Неплюевымъ. Оба сына его, Никита Ивановичъ и Петръ Ивановичъ, достигли самыхъ высокихъ ступеней служебной карьеры и оба получили графскій титулъ.

Личность и значеніе Никиты Ивановича хорошо всѣмъ извѣстны. Родился онъ въ 1718 г. Въ 1747 г. онъ уже состоитъ посланникомъ въ Даніи и вскорѣ перемѣщенъ оттуда на тотъ же постъ въ Стокгольмѣ, что при тогдашнемъ положеніи было едва ли не самымъ отвѣтственнымъ мѣстомъ для посланника русскаго двора. Н. И. Панинъ находилъ поддержку своей дѣятельности въ Бестужевѣ, слѣдовательно, имѣлъ достаточно сильныхъ враговъ при дворѣ. Однако,

вскорѣ же, онъ возвращенъ въ Россію и назначенъ воспитателемъ къ Павлу Петровичу. При переворотѣ Н. И. былъ въ числѣ тѣхъ, кто смотрѣлъ на Екатерину лишь какъ на регента престола, а на престолъ предполагалъ возвести малолѣтняго Павла. Не смотря на это, Н. И. удержался при дворѣ и получилъ весьма вліятельное положеніе. Екатерина предлагала ему вице-канцлерство, отъ котораго онъ, однако, отказался и, занявъ постъ старшаго члена Иностранной Коллегіи, въ теченіе 20 лѣтъ былъ фактическимъ руководителемъ внѣшней политики Россіи. Въ качествѣ послѣдняго, онъ является создателемъ извѣстной системы «Сѣвернаго аккорда» и, хотя реальная обстановка идетъ въ разрѣзъ съ его проектомъ, онъ не измѣняетъ разъ выработанной точки зрѣнія и всегда стремится къ проведенію своихъ взглядовъ въ жизнь. Имѣя сильныхъ и могущественныхъ враговъ при дворѣ, онъ почти до самой смерти не теряетъ своего значенія и продолжаетъ играть роль одного изъ самыхъ вліятельныхъ сановниковъ Россійской имперіи. Въ сьоей дѣятельности онъ проявилъ себя въ качествѣ человѣка весьма свободныхъ взглядовъ и своеобразнаго конституціоналиста. Ему было поручено Екатериной выработать проектъ реформы «верховнаго правительства» и въ этомъ проектѣ онъ проводитъ несомнѣнныя попытки къ ограниченію самодержавной власти. Талантливый дипломатъ, блестящій царедворецъ, незаурядный педагогъ, какимъ онъ проявилъ себя въ воспитаніи Павла, Н. И. былъ въ то же время человѣкомъ свободнаго ума, независимаго характера и ставилъ благо государства выше личнаго благополучія и личности монарха. Скончался въ 1783 году.

Его младшій братъ, Петръ Ивановичъ, родившійся въ 1721 г., избралъ себѣ военную карьеру и въ своей сферѣ дѣятельности занялъ тоже одно изъ первыхъ мѣстъ. Зачисленный въ л-гв. Измайловскій полкъ, онъ уже въ 1736 г. переводится въ дѣйствующую армію подъ начальство Миниха и здѣсь беретъ первые практическіе уроки военнаго искусства. Онъ принимаетъ непосредственное участіе въ операціяхъ по взятію Перекопа и Бахчисарая. Въ 1740 г. онъ возвращается въ Петербургъ въ Измайловскій полкъ, но уже въ 1741-43 гг. опять находится въ арміи, въ Финляндіи, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Ласси. За участіе во взятіи Фридланда онъ произведенъ въ капитанъ-поручики и посланъ къ императрицѣ съ донесеніемъ и взятыми непріятельскими знаменами. Въ 1748 г. онъ состоитъ уже въ чинѣ полковника и незадолго до Семилѣтней войны командуетъ Новгородскимъ полкомъ. Въ 1755 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Блестящія военныя дарованія Петръ Ивановичъ впервые обнаруживаетъ въ Семилѣтнюю войну. Во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ, въ самыхъ труд-

ныхъ и отвѣтственныхъ мѣстахъ, всегда оказывается Петръ Ивановичъ, и успѣхъ русскихъ войскъ зависитъ отъ его умѣлаго руководства войсками на ввѣренномъ ему боевомъ участкѣ. Донося объ успѣхѣ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ, Апраксинъ съ особымъ отличіемъ отмѣчаетъ дѣйствія Петра Ивановича. Сраженія при Цорндорфѣ, Пальцигѣ, Кунерсдорфѣ, преслѣдованіе противника послѣ взятія Берлина — все это отдѣльные этапы его успѣховъ. Все это способствуетъ выявленію его недюжинныхъ военныхъ дарованій. Въ связи съ отличіями онъ быстро подвигается и по служебной лѣстницѣ. Въ 1759 г. онъ командуетъ бригадой и въ томъ же году временно командуетъ 4-й дивизіей. Въ 1762 г. въ чинѣ полнаго генерала онъ смѣняетъ на посту генералъ-губернатора Восточной Пруссіи отца будущаго генералиссимуса, Василія Ивановича Суворова, а затѣмъ принимаетъ отъ Румянцева командованіе надъ арміей, при чемъ обнаруживаетъ и недюжинныя дипломатическія способности, блестяще выведя русскія войска при создавшемся тяжеломъ положеніи изъ Пруссіи. Съ начала войны съ Турціей, вслѣдствіе нерасположенія къ нему всесильнаго тогда гр. Чернышева, Петръ Ивановичъ остается безъ назначенія. Созданныя для веденія операцій противъ Турціи три арміи ввѣряются кн. Голицыну, гр. Румянцеву и гр. Олица. Однако, полная неуспѣшность дѣйствій этихъ армій заставляетъ передать командованіе въ болѣе даровитыя руки: первая армія переходитъ подъ командованіе Румянцева, вторая отдается подъ начальство Петра Ивановича. Здѣсь онъ обнаруживаетъ блестящія способности организатора и достигаетъ небывалыхъ результатовъ въ весьма тяжелыхъ обстоятельствахъ. Онъ самъ такъ характеризуетъ свои успѣхи въ письмѣ къ брату: «Я получилъ счастье первый еще изъ Россійскихъ генераловъ въ іюнѣ мѣсяцѣ не только съ разоренною, но сколь малою, столь наилучшею, ничѣмъ не ослабѣвшею арміею перейти р. Днѣстръ . . . до котораго тѣ войски въ прежнюю войну, коимъ къ Днѣстру дѣйствовать было надлежало, никогда не достигали».[1]) Результатомъ его дѣятельности было взятіе Бендеръ, т. е. выполненіе прямой задачи, возложенной на его армію. Но и кромѣ того, осаждая Бендеры, Петръ Ивановичъ непрерывно ведетъ дипломатическіе переговоры съ татарскими ордами — едичанской и нагайской, убѣждая ихъ отказаться отъ подчиненія Турціи и признать про-

---

1) Русскій Архивъ, 1888 г., III, стр. 333. Для обшей оцѣнки дѣятельности П. И. Панина см. П. А. Гейсманъ и А. Н. Дубовской. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721-1789). Спб. 1897, а также ихъ же статью въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ, указанный выше томъ „Павелъ, преподобный — Петръ (Илейка)“ Спб. 1902, стр. 212-248.

текторатъ Россіи. Его успѣшные переговоры сыграли весьма значительную роль въ окончательномъ освоеніи Новороссійскаго края. По окончаніи турецкой войны Петръ Ивановичъ въ 1770 г. выходитъ въ отставку, при чемъ его заслуги оцѣнены далеко не надлежащимъ образомъ: при выходѣ въ отставку единственной наградой за его неутомимую дѣятельность было лишь назначеніе полнаго оклада содержанія въ видѣ пожизненной пенсіи. При той широкой раздачѣ земельныхъ и иныхъ богатствъ, которая практиковалась Екатериной, подобная награда производитъ впечатлѣніе своего рода немилости.

Однако, съ выходомъ въ отставку Петръ Ивановичъ еще не окончательно сходитъ съ исторической сцены. Ему предстоитъ еще сыграть одну изъ важнѣйшихъ ролей въ величайшей трагедіи Екатерининскаго царствованія — въ усмиреніи Пугачевскаго возстанія. Онъ опять появляется на аренѣ государственной дѣятельности и съ весьма большими полномочіями, когда въ правительственныхъ верхахъ замѣчается опредѣленная растерянность послѣ смерти Бибикова, посланнаго противъ возставшаго Пугачева. Отдавая себѣ полный отчетъ въ значеніи разигрывавшихся событій и понимая, что ихъ теченіе тѣсно связано съ общимъ положеніемъ, Петръ Ивановичъ считалъ необходимой предварительную подготовку и организацію дѣла. Поэтому онъ выдвинулъ рядъ требованій, при которыхъ считалъ возможнымъ взяться за дѣло. Настоянія Никиты Ивановича и ходатайство Г. А. Потемкина сломили сопротивленіе, которое встрѣчала кандидатура Петра Ивановича, и онъ получилъ это назначеніе съ необходимыми полномочіями, хотя и нѣсколько урѣзанными сравнительно съ требовавшимися имъ. Насколько Екатерина съ неохотой соглашалась на его назначеніе, показываетъ слѣдующее письмо ея къ Потемкину:

«Увидишь, голубчикъ, изъ приложенныхъ при семъ штукъ, что господинъ графъ Панинъ изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя съ безпредѣльной властью въ лучшей части имперіи, то-есть, Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніи, a sous-entendu есть и прочія; что если я сіе подпишу, то не токмо князь Волконскій будетъ и огорченъ и смѣшонъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю».[1])

Къ заслугѣ Екатерины надо относить, что, несмотря на клеветы

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XIII, стр. 420. Ср. Гейсманъ и Дубовской, op. cit. стр. 67.

по поводу якобы рѣзкихъ отзывовъ о ней П. И. Панина и свое отрицательное къ нему отношеніе, назначеніе Панина состоялось и онъ завершилъ дѣло, начатое Бибиковымъ. Это было послѣднее дѣло Петра Ивановича и, выполнивъ его, онъ окончательно вышелъ въ отставку. Скончался Петръ Ивановичъ 15 апрѣля 1789 г.

У Петра Ивановича было многочисленное потомство — отъ двухъ браковъ 22 дѣтей. Всѣ дѣти отъ перваго брака съ дочерью гр. П. Б. Шереметева умерли въ младенческомъ возрастѣ. Отъ второго брака съ Маріей Родіоновной Вейдель остались въ живыхъ двое: сынъ Никита Петровичъ, родившійся въ 1770 г., и дочь Софія Петровна, бывшая замужемъ за д. т. сов. Ив. Вас. Тутолминымъ.

Никита Петровичъ первое время воспитывался у своего дяди, Никиты Ивановича. По его смерти Никита Петровичъ вернулся къ отцу, но часто гостилъ у своей тетки А. И. Куракиной. Еще при жизни отца Никита Петровичъ началъ готовиться къ военной карьерѣ. При началѣ войны съ Швеціей, на которую отправился въ Финляндію наслѣдникъ престола, Никита Петровичъ былъ направленъ отцомъ также въ Финляндію съ чиномъ бригадира. Здѣсь онъ очень сблизился съ Павломъ Петровичемъ. Эта близость продолжалась до 1791 г., когда Никита Петровичъ рѣзко разошелся съ великимъ княземъ изъза отношеній послѣдняго къ Нелидовой. Отношенія приняли настолько острый характеръ, что Екатерина поспѣшила дать Никитѣ Петровичу назначеніе при своемъ дворѣ. Въ это же время впервые возникаютъ предположенія о назначеніи его посланникомъ и у самого него проявляется вполнѣ опредѣленный интересъ къ дипломатической дѣятельности. Между тѣмъ, ему приходится вести жизнь придворнаго или занимать административныя должности. Такъ, въ 1795 г. онъ получаетъ назначеніе литовскимъ губернаторомъ въ Гродно. Здѣсь ему удается впервые въ 1796 г. примѣнить свои дипломатическія способности въ комиссіи по установленію границъ послѣ третьяго раздѣла Польши. Выявляются совершенно недюжинныя способности и въ томъ же 1796 году онъ переименовывается въ статскій чинъ и назначается на должность третьяго члена Иностранной Коллегіи. Наконецъ, въ 1797 г. онъ получаетъ назначеніе въ качествѣ чрезвычайнаго посланника въ Пруссію. По существу миссія, возлагавшаяся на Никиту Петровича, была совсѣмъ ему не по душѣ. Въ это время намѣчалось извѣстное сближеніе Россіи съ Франціей и ему поручалось войти въ переговоры съ французскимъ представителемъ Кальяромъ. Самъ же Никита Петровичъ лелеялъ совершенно иной планъ. Считая необходимымъ положить предѣлъ активности французовъ, онъ мечталъ о созданіи сильной

коалиціи изъ Австріи, Англіи и Россіи и очередной задачей ставилъ привлеченіе къ этой коалиціи Пруссіи. Переговоры съ Кальяромъ тянулись вяло и холодно. Послѣ же ареста французами русскаго консула на о. Зантѣ всякіе переговоры съ Кальяромъ были прерваны и Никита Петровичъ получилъ прямое указаніе стремиться къ вовлеченію Пруссіи въ коалицію. Здѣсь онъ развернулъ свои блестящія дипломатическія способности. Переговоры велись съ необыкновеннымъ умѣніемъ и блескомъ. Однако, не смотря на всѣ старанія Никиты Петровича, ни даже на успѣхи русскихъ войскъ въ Италіи, цѣль все таки не была достигнута. Дѣло окончилось демонстративнымъ отъѣздомъ Никиты Петровича изъ Берлина. Въ 1799 г. Павелъ, оцѣнивъ блестящія дарованія Никиты Петровича, вызвалъ его въ Петербургъ и предложилъ ему постъ вице-канцлера. Казалось, что теперь стремленія Никиты Петровича могутъ получить полное завершеніе. Но въ это время опять измѣнилась политическая обстановка. Въ то время какъ Никита Петровичъ стремился возсоздать коалицію и съ этой цѣлью заключить англо-русскій союзъ, Павелъ опять началъ склоняться въ своихъ симпатіяхъ къ Франціи, антипатія его къ Англіи возростала. Новое расхожденіе во взглядахъ съ императоромъ, съ одной стороны, и неудовольствія на Панина его товарища по канцлерству, гр. Ростопчина, интриги и наговоры — съ другой, привели сначала къ отставкѣ Никиты Петровича, а затѣмъ къ его опалѣ и ссылкѣ въ его смоленское имѣніе Дугино.[1])

---

[1]) Будучи стойкимъ и негибкимъ, Никита Петровичъ явно обнаруживалъ свое неодобреніе политикѣ двора и этимъ пользовались лица, имѣвшія основанія быть имъ недовольными. Весьма интересны два письма И. М. Муравьева-Апостола, адресованныя имъ гр. С. Р. Воронцову и объясняющія ему всѣ детали обстановки отставки и опалы Никиты Петровича. По его словамъ, инцидентъ вызвавшій отставку, заключался въ томъ, что Никита Петровичъ разослалъ, не подписавъ самъ, иностраннымъ министрамъ при русскомъ дворѣ присланную ему уже подписанной гр. Ростопчинымъ ноту, въ которой объявляется о вѣроломствѣ Англіи, якобы нарушившей конвенцію, торжественно заключенную въ 1798 г., тогда какъ въ дѣйствительности эта конвенція не состоялась. Когда же послѣ этого ему была прислана вторая нота, совершенно подобная первой, съ прямымъ приказаніемъ подписать ее, Никита Петровичъ настоялъ на измѣненіи начала ноты въ томъ смыслѣ, что она подается по особому повелѣнію Государя. Это и послужило причиной отставки. Ссылка же послѣдовала въ результатѣ того, что, узнавъ объ отставкѣ утромъ, Никита Петровичъ, съ вѣдома гр. Ростопчина, не отмѣнилъ обычнаго обѣда у себя для дипломатическаго корпуса, приглашенія на который были разосланы еще наканунѣ, и только послѣ обѣда извѣстилъ иностранныхъ представителей о своей отставкѣ (см. Русскій Архивъ, 1876 г., I, стр. 122-123). Ссылка же въ деревню явилась, по словамъ

Послѣ смерти Павла Никита Петровичъ вновь былъ вызванъ къ дѣятельности Александромъ I, съ которымъ онъ успѣлъ сблизиться за послѣдній годъ. Ему было предложено вернуться на постъ вице-канцлера. Вотъ что пишетъ Никита Петровичъ своей женѣ изъ Петербурга 22 марта 1801 г.: ... Sa M. I. passa à la politique, et j'eus le bonheur de reconnaître dans tout ce qu'elle me dit la confiance la plus illimitée. C'est au point qu'elle a daigné suspendre toute résolution importante jusqu' à mon arrivée, annonçant à ses ministres qu'elle ne voullait rien faire avant de m'avoir entendu. A la fin de cet entretien l'Empereur me dit qu'il m'avait fait venir pour me re aettre la direction des affairs étrangères, et il poussa la condescendance et la bonté jusqu'à me faire des excuses de ce qu'il laissait le prince Kourakin et le comte Pahlen à leurs places, en demandant si je consentais à servir avec eux (въ текстѣ написано aux), avec l'assurance la plus formelle que moi seul je dirigerais les affaires ..."[1]) Не желая лишать кн. Куракина его званія вице-канцлера и тѣмъ вооружать его противъ себя, Никита Петровичъ отказался отъ этого званія и удовольствовался званіемъ члена Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, являясь въ то же время фактическимъ единоличнымъ руководителемъ внѣшней политики въ первое время царствованія Александра I. Но и на этотъ разъ Никита Петровичъ не удержался на своемъ посту: неуклонное проведеніе своихъ взглядовъ, выработанныхъ за время дипломатической дѣятельности, отсутствіе необходимой въ придворной обстановкѣ гибкости, неспособность примириться съ необходимостью дѣйствовать по чужимъ указаніямъ побудили его уже въ сентябрѣ 1801 г. выйти въ отставку.[2]) За отставкой послѣдовала

Муравьева-Апостола, результатомъ перлюстраціи письма Никиты Петровича къ его сестрѣ, Софьѣ Петровнѣ. „Я читалъ это роковое письмо, пишетъ Муравьевъ-Апостолъ: Графъ говоритъ въ немъ о своей теткѣ вдовѣ-графинѣ Чернышевой и о благодѣяніяхъ, которыя она ему оказываетъ Готовъ прозакладывать что угодно, что Ваше Сіятельство не угадаете, какъ растолковали эту фразу. Слово тетка было объяснено въ этомъ новомъ лексиконѣ словомъ Государь, а благодѣянія словомъ преслѣдованія" (Там же, стр. 125).

1) Русскій Архивъ, 1874, № 9, стр. 710-711.

2) Въ отставкѣ Никиты Петровича несомнѣнно сыгралъ большую роль гр. С. Р. Воронцовъ. Не будучи никогда лично знакомы, они вели между собою оживленную переписку, вызванную сначала положеніемъ Никиты Петровича въ качествѣ чрезвычайнаго посланника въ Пруссіи, а Семена Романовича посланникомъ въ Англіи. Вскорѣ же эта переписка обратилась въ чисто дружескій обмѣнъ мнѣній и взглядовъ, и выраженіе чисто дружескихъ чувствъ, независимо отъ оффиціальнаго положенія обоихъ корреспондентовъ, неоднократно проглядываетъ въ ихъ письмахъ. Тѣмъ неожиданнѣе являются два письма, опублико-

новая опала и, вернувшись изъ трехлѣтняго отпуска изъ заграницы, Панинъ получилъ извѣщеніе о запрещеніи ему пребыванія въ столицѣ. Онъ отправился въ свое имѣніе Дугино, откуда ему изрѣдка разрѣшалось выѣзжать для леченія заграницу, но не только къ активной дѣятельности, но даже и въ столицу ему такъ и не удалось вернуться до конца своей жизни.

Шестое поколѣніе Паниныхъ составляютъ дѣти Никиты Петровича — Александръ Никитичъ, начальникъ 1-го отдѣленія Московскаго общества сельскаго хозяйства, попечитель Харьковскаго университета, отошедшій отъ правительственной дѣятельности ради дѣятельности общественной и отчасти научной и хозяйственной, и Викторъ Никитичъ, бывшій министръ юстиціи, извѣстный въ качествѣ убѣжденнаго сторонника крѣпостного права.

Подводя общій итогъ значенію рода графовъ Паниныхъ въ русской государственной жизни, приходится сказать, что основной ихъ семейной чертой была любовь къ родинѣ и горячее стремленіе служить ей не за честь, а за совѣсть. Честные, горячіе патріоты, талантливые государственные дѣятели, они возвышались до первыхъ мѣстъ при императорскомъ дворѣ, но никогда не обладали той гибкостью, которая необходима для успѣшнаго процвѣтанія въ качествѣ царедворцевъ. Даже самый тонкій и ловкій дипломатъ, какимъ являлся Никита Ивановичъ, и тотъ подъ конецъ жизни попалъ въ опалу. Наоборотъ, обладавшіе независимымъ характеромъ и упорные въ осуществленіи своихъ взглядовъ, всѣ Панины умѣли въ то же время не жалѣть себя на службѣ государству и никогда не боялись стать въ честную оппозицію верховной власти, когда ихъ убѣжденія рѣзко расходились со взглядами царствовавшаго государя. Обладая большой трудоспособностью, они являлись несомнѣнно желанными сотрудниками Великаго Петра и при немъ достигли вполнѣ заслуженно высокаго положенія. Для нихъ, какъ и для Петра, государство всегда было выше государя. При

ванныя въ „Русскомъ Архивѣ" за 1874 годъ № 12, стр. 971-986 и 997-1012. Въ первомъ изъ этихъ писемъ гр. Воронцовъ упрекаетъ Никиту Петровича въ томъ, что онъ отказывается вести внѣшнюю политику черезъ Совѣтъ при Государѣ, во второмъ, адресованномъ лично Александру I, гр. Воронцовъ прямо обвиняетъ Никиту Петровича въ недобросовѣстности, небрежности и неумѣніи справляться съ столь сложнымъ и важнымъ дѣломъ, какъ внѣшняя политика. Правда, это письмо было получено Александромъ I уже послѣ того, какъ состоялась отставка, но оно несомнѣнно сыграло свою роль въ дальнѣйшей опалѣ Никиты Петровича. Въ то же время мы не знаемъ, не предпринимались ли еще ранѣе какіе либо шаги со стороны Воронцова для дискредитированія Панина въ глазахъ государя.

Екатеринѣ, не склонные къ лести, Панины были въ своего рода оппозицiи и, если и занимали высокое положенiе, если и получили въ 1767 г. графскiй титулъ, то лишь потому, что Екатерина умѣла цѣнить подлинныя заслуги и вознаграждать ихъ, не смотря на личную антипатiю. Понятно, что въ послѣдующiя царствованiя Панины впадаютъ въ опалу. Характерно, что даже консерваторъ и сторонникъ крѣпостного права, Викторъ Никитичъ, тоже стоитъ въ своего рода оппозицiи престолу, возставая противъ уже рѣшеннаго престоломъ освобожденiя крестьянъ. Неудивительно, что въ концѣ XIX и началѣ XX столѣтiя Панины занимаютъ мѣсто въ рядахъ оппозицiонной русской общественнности.

Обращаясь къ новымъ еще неопубликованнымъ документамъ, отмѣтимъ прежде всего, что старѣйшiй изъ нихъ относится къ эпохѣ Петра I, ко времени, когда первый изъ Паниныхъ, Иванъ Васильевичъ, началъ восходить къ верхамъ государственнаго служенiя. Это, какъ указано выше, предписанiе кн. М. Голицына о сдачѣ комендантства въ Перновѣ и о назначенiи его въ дѣйствующую армiю, съ котораго начинается быстрое возвышенiе И. В. Панина. Уже въ это время Панинъ не былъ совсѣмъ безвѣстнымъ офицеромъ. Петръ зналъ его лично, какъ свидѣтельствуетъ цитированное выше письмо. Но можно думать, что Петру онъ былъ извѣстенъ и значительно раньше, во всякомъ случаѣ онъ былъ при Петрѣ, когда Петръ былъ въ Ярославлѣ. Вотъ что записываетъ въ своихъ запискахъ кн. Бор. Ив. Куракинъ:

«И прiѣхавъ въ Ярославль, уже нашелъ передовыхъ, Синявина и Муханова, офицеровъ морскихъ, которые суда готовятъ къ водяному пути внизъ рѣкою въ рѣку Вислу, а Вислою внизъ до Торуня. И тутъ ожидая пять дней, принужденъ былъ жить, и потомъ въ навечерiи дня Успеньева я поѣхалъ навстрѣчу царскому величеству и встрѣтилъ въ мѣстечкѣ Бѣломъ 3 мили отъ Ярославля. И того вечера не былъ при дворѣ, а ночевалъ у кап.-поручика Ивана Васильева сына Панина».[1])

До сихъ поръ фактъ перевода И. В. Панина изъ Пернова въ дѣйствующую армiю былъ извѣстенъ изъ двухъ указовъ, въ описанiи Баранова.[2]) Теперь мы имѣемъ подлинное предписанiе кн. Голицына. Текстъ его слѣдующiй (буквы, вынесенныя въ оригиналѣ подъ титло или надъ строкой, заключены въ скобки):

---

1) Архивъ кн. Куракина, III, стр. 305-306.

2) Барановъ, Опись высочайшимъ указамъ и повелѣнiямъ, хранящимся въ спб. сенатскомъ архивѣ, т. II, стр. X и №№ 4743 и 5278.

„Господинъ По(л)ковникъ и Коме(н)дантъ Панинъ.

По имянно(му) ц(а)рского[1]) величе(с)тва Ука(з)у; которо(й) Подалъ Мнѣ Господинъ брегади(р) болобановъ; велено ва(м) быть в Поле-во(й) а(р)миї в дивизиї Господина Генерала Кн(я)зя репнина; а на в(а)шемъ Месте в Пернове Комендантомъ ему Господину Брегади(ру); и По Прибытиї ево и(з)волте быть При оно(й)[1]) Дивизиї а Га(р)низонъ о(т)да(й)те оному Господину брегадиру Болобанову;

Доброжелатель в(а)шъ
Кн(я)зь М:Голицынъ

И(з) санктъ Пите(р)бу(р)ха
21 Декабря 1714:".

По существу этотъ документъ не даетъ ничего новаго. И о томъ, что И. В. Панинъ былъ комендантомъ Пернова, и о томъ, что онъ оттуда былъ переведенъ въ дѣйствующую армію въ дивизію кн. Рѣпнина, извѣстно изъ другихъ источниковъ. Кромѣ того, извѣстно, что Перновъ довольно долго былъ мѣстомъ постояннаго жительства семьи Ивана Васильевича.[2]) Старшій сынъ его, Никита Ивановичъ, родился въ Дрезденѣ, младшій, Петръ Ивановичъ, въ родовомъ селѣ Везовнѣ Мещовскаго уѣзда Калужской губ. Но оба они первые годы своего дѣтства провели въ Перновѣ. Вѣроятно, въ силу характера службы Ивана Васильевича, постоянно находившагося въ движеніи вмѣстѣ съ войсками, семья прочно базировалась на этотъ маленькій городокъ.

Въ этомъ документѣ обращаетъ на себя вниманіе одинъ фактъ, быть можетъ, и незначительный самъ по себѣ. Подписанъ онъ кн. Голицынымъ не оффиціально, а скорѣе дружественно — «доброжелатель вашъ». Михайло Голицынъ — одинъ изъ виднѣйшихъ сотрудниковъ Петра Великаго, принимавшій всегда участіе въ наиболѣе отвѣтственныхъ военныхъ дѣлахъ геніальнаго правителя и полководца. Въ 1696 г. онъ въ чинѣ капитанъ-поручика принимаетъ участіе въ осадѣ Азова. Въ 1698 г. усмиряетъ стрѣльцовъ близь Воскресенскаго монастыря. Въ 1699 г. принимаетъ участіе въ морскомъ походѣ Петра въ Керчь. Въ 1700 г. онъ участвуетъ въ битвѣ подъ Нарвой и раненъ въ ней. Въ дальнѣйшемъ онъ участвуетъ едва ли не во всѣхъ наиболѣе важныхъ сраженіяхъ — при взятіи Нейшанца, Нарвы, Митавы, въ битвѣ

1) Въ оригиналѣ письма въ словѣ „ц(а)рского" послѣднее „о" и въ словѣ „оно(й)" первое „о" переданы омегой.

2) Гейсманъ и Дубовской, op. cit. стр. 1; Рус. Біограф. Словарь, вышеназ. томъ стр. 212.

при Добромъ, при Лѣсномъ; въ полтавскомъ бою командуетъ гвардіей; содѣйствуетъ взятію Выборга; въ 1711 г. защищаетъ Украину отъ запорожцевъ, поддержанныхъ крымскими татарами. Наконецъ, въ 1714 г. онъ получаетъ въ командованіе войска въ Финляндіи, а съ 1723 г. командуетъ войсками въ Малороссіи и украинскими полками.[1]) Позже при преемникахъ Петра онъ достигаетъ званія генералъ-фельдмаршала и при Петрѣ II занимаетъ постъ президента Военной коллегіи и становится членомъ верховнаго тайнаго совѣта, а при вступленіи Анны Іоанновны принимаетъ участіе въ «затѣйкѣ верховниковъ», послѣ чего удаленъ отъ двора и вскорѣ умеръ.[2])

Характеръ подписи подъ предписаніемъ въ связи съ назначеніемъ кн. Голицына командующимъ войсками въ Финляндіи невольно наводитъ на догадку, не означаетъ ли это предписаніе, и по внѣшнему виду напоминающее скорѣе письмо, чѣмъ оффиціальный приказъ, что, получивъ въ свое вѣдѣніе войска въ Финляндіи, Голицынъ подбираетъ себѣ наиболѣе опытныхъ и извѣстныхъ ему военачальниковъ. Это предположеніе находитъ себѣ какъ будто подтвержденіе въ томъ фактѣ, что съ этого момента Иванъ Васильевичъ, занимавшій до сихъ поръ скорѣе чисто административныя тыловыя должности, теперь находится больше при дѣйствующей арміи, движется вмѣстѣ съ нею и занимаетъ все болѣе высокіе и отвѣтственные посты. Какъ будто бы вызванный изъ какого то забытія, теперь онъ опять движется впередъ по служебной лѣстницѣ и быстро достигаетъ высокихъ служебныхъ степеней.

Остальные два документа относятся къ внуку Ивана Васильевича, Никитѣ Петровичу. Одинъ изъ нихъ — это собственноручное письмо генералиссимуса А. В. Суворова къ гр. Никитѣ Петровичу, писанное ему изъ заграницы послѣ полученія извѣстія о назначеніи его вицеканцлеромъ. Текстъ этого письма слѣдующій:

„Милостивый Государь мой Графъ Никита Петровичъ!

Письмо вашего сіятельства я получилъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что усматриваю изъ онаго высочайшее монаршее къ вамъ благоволѣніе въ назначеніи васъ въ вице канцлеры. Весьма сорадуяся сему повышенію, спѣшу васъ Милостивый Государь мой съ онымъ

[1]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, т. II, стр. 82-91.

[2]) Новый Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XIII, Спб. стр. 925.

поздравить и пожелать вамъ сердечно вящши(х) успѣховъ въ семъ новомъ званій; Прося покорнѣйше ваше сіятельство быть удостовѣрену въ искрѣнности сего моего соучастія, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Милостивый Государь мой
вашего сіятельства
Покорнѣйшій слуга
К. Італійскій Г. А. Суворовъ-Рымникскій.

Октября 29-го дня
1799-го года
Г. Аугсбургъ".

Связи Суворова съ Паниными были уже давними. Свою боевую карьеру Суворовъ едва-ли не начиналъ подъ начальствомъ или руководствомъ Петра Ивановича Панина. Когда, занимая комиссаріатскія должности во время Семилѣтней войны, Суворовъ захотѣлъ перейти въ строй, то по ходатайству отца онъ былъ оставленъ при Ферморѣ на генеральской должности «генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго». Это случилось въ февралѣ-мартѣ 1760 г. какъ разъ тогда, когда Петръ Ивановичъ занималъ должность дежурнаго генерала при томъ же Ферморѣ. Но это была уже не первая встрѣча Суворова съ Панинымъ. Онъ уже имѣлъ возможность наблюдать военный талантъ Панина, будучи свидѣтелемъ блестящаго дѣла его при Кунерсдорфѣ въ 1759 г. До выхода русскихъ войскъ изъ Пруссіи Суворовъ фактически состоитъ подъ начальствомъ Панина. Въ это время, повидимому, завязались тѣ дружескія связи, которыя сохранились на всю жизнь. Къ сожалѣнію, въ Прагѣ оказалось недоступнымъ важнѣйшее изданіе бумагъ и писемъ Суворова, вышедшее въ началѣ XX стол. подъ ред. Б. Алексѣева, а потому нѣтъ возможности съ точностью установить характеръ отношеній Суворова съ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. Но собранный по различнымъ изданіямъ матеріалъ все же позволяетъ утверждать, что отношенія ихъ были болѣе дружескими и близкими, чѣмъ это до сихъ поръ было отмѣчено біографами обоихъ полководцевъ. Хронологически они устанавливаются такимъ образомъ. Въ 1759 г., вѣроятно, первая встрѣча. Въ 1760 г. — совмѣстная служба при Ферморѣ. Въ 1761 г. встрѣча въ боевой обстановкѣ при взятіи Колберга, которое самъ Суворовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ прибылъ къ намъ съ нѣкоторою пѣхотою; я однимъ гренадерскимъ баталіономъ атаковалъ вороты и, по сильномъ сопротивленіи, вломились мы въ калитку, гнали

Прусской отрядъ штыками чрезъ весь городъ, за противныя вороты и мостъ, до ихъ лагеря, гдѣ побито и взято было много въ плѣнъ».[1]) Въ 1762 г. Панинъ командуетъ арміей, стоящей въ Пруссіи, въ которой состоитъ на службѣ Суворовъ. Въ 1774 г. Суворовъ вызванъ изъ арміи для борьбы съ Пугачевымъ и попадаетъ опять въ непосредственное подчиненіе къ Панину, что опять таки самъ Суворовъ отмѣчаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ силу Имянного Высочайшаго повелѣнія, гдѣ прописано: „ѣхать мнѣ въ Москву въ помощь Генералу Кн. Мих. Ник. Волконскому", отбылъ я тотчасъ изъ Молдавіи и прибылъ въ Москву, гдѣ усмотрѣвъ, что мнѣ дѣлать нечего и проѣхалъ далѣе, внутрь, къ генералу Графу Петру Ивановичу Панину, который при свиданіи паки мнѣ Высочайшее повелѣніе объявилъ о содѣйствіи съ нимъ въ замѣшательствахъ».[2]) Въ промежуткѣ и послѣ выхода П. И. Панина окончательно въ отставку, Суворовъ поддерживаетъ съ нимъ отношенія и переписку и въ трудные моменты жизни обращается къ нему. Такъ, въ 1778 г., изъ Крыма, во время весьма трудныхъ семейныхъ обстоятельствъ онъ пишетъ Панину слѣдующее дружески откровенное письмо:

«Числа 18 августа 1778 году. Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ. Худо съ болшими людьми вишенки ѣсть. Бомбардированіе началось и съ полученія — я, жена, дочь, въ одинъ день въ публичной горячкѣ. Прости, мой благодѣтель. Всегда съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга, Александръ Суворовъ».[3])

Въ 1781 году, изъ Астрахани, тоже въ довольно трудный моментъ личной жизни, Суворовъ опять пишетъ Панину:

«Числа Маія 1781 году. Астрахань. Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ. Стоическое мое прежней почты письмо съ приложеніемъ о пасквили на меня подъ именемъ Фет. Х. должны вы были получить, милостивый государь мой; такъ терпѣливо отъ васъ ожидаю на него вашего отвѣта, паче, что *болше мѣсяца отъ васъ писемъ не имѣю*.[4]) Почтенный другъ, удѣлите у себя времени полъ ¼ часа, переселитеся мысленно на мое удаленіе; всѣ лестные тѣ метеоры изчеснутъ, одно уныніе есть питаніемъ моей души. Скончался здѣсь философъ Ник. Серг. Долгорукой. Лишенъ я въ немъ того,

---

1) Чтенія О-ва Ист. и Древ. 1849. № 9, II, Біографія Суворова, стр. 536-551.

2) Ibid.

3) Русская Старина, 1873, т. VIII, стр. 729.

4) Курсивъ нашъ.

кто наилутчее утѣшеніе мнѣ въ моей грусти подавалъ. *Прости, голубчикъ Петръ Ивановичъ.*[1]) Всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего высокородія покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ».[2])

Эти письма, какъ видимъ, звучатъ далеко не оффиціально, но чисто дружески, даже интимно, поскольку Суворовъ посвящаетъ Панина въ свои тяжелые семейные непорядки. На чемъ же зиждились эти дружескія отношенія? Конечно, прежде всего на довольно долгой совмѣстной боевой службѣ. Но, кажется, можно предположить, что въ этихъ отношеніяхъ значительную роль сыграла не только долгая совмѣстная служба, но и кое что болѣе глубокое.

Если мы обратимся къ значенію Петра Ивановича въ исторіи русскаго военнаго дѣла, то увидимъ, что его роль въ этой отрасли была не маловажна. Въ 1763 г. Панинъ подалъ Императрицѣ записку по поводу крестьянскаго вопроса. На ряду съ общими положеніями, онъ затрагиваетъ въ ней и вопросы военнаго характера. Такъ, онъ указываетъ на вредъ такихъ явленій, какъ «рекрутскіе поборы изъ ближайшихъ къ границамъ селеній и привычка у нѣкоторыхъ помѣщиковъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни и безъ всякаго вниманія къ огорченію и разоренію остающихся семействъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ за убійство и вѣчную разлуку» и «чрезвычайно дурное содержаніе рекрутъ до отправленія къ полкамъ и тяжкія корыстныя къ нимъ придирки: вмѣсто того, чтобы этихъ людей, огорченныхъ разлукою съ своими всячески приманивать къ службѣ, ихъ обираютъ и употребляютъ въ частныя работы».[3]) Такимъ образомъ, Панинъ одинъ изъ первыхъ требуетъ къ солдату человѣческаго отношенія и признанія за нимъ человѣческаго достоинства. Это, повидимому, потому, что отъ солдата въ бою онъ требуетъ стойкости, сознательности и пониманія положенія. А это уже является результатомъ воспитанія солдата. Другими словами, Панинъ едва-ли не первый обращаетъ вниманіе на духъ войска, считая, что именно духъ является важнѣйшимъ факторомъ устойчивости войска.

Тотъ же выводъ мы сдѣлаемъ, если обратимся къ разсмотрѣнію руководимыхъ имъ боевыхъ дѣйствій. Въ битвѣ при Цорндорфѣ въ виду отсутствія Фермора Панинъ явился фактическимъ начальникомъ

1) Курсивъ нашъ.
2) Русская Старина, 1873, т. VIII, стр. 729.
3) Гейсманъ и Дубовской, op. cit., стр. 25.

праваго фланга, подвергшагося кавалерійской атакѣ съ двухъ сторонъ — съ одной стороны 31 эскадрона, съ другой — 15 эскадроновъ. Войска первой линіи не имѣли времени выстроиться въ карре и, сбившись въ кучи, отбивали кавалерійскую атаку. Войска 2-й линіи подъ личнымъ командованіемъ Панина сохранили полный порядокъ и атаки прусаковъ разбились о стойкость русскихъ войскъ. Бой тянулся до 10 час. вечера и русскія войска вышли изъ него съ честью.[1])

Столь же блестящи дѣйствія Панина въ битвѣ при Пальцигѣ, гдѣ онъ сначала отбиваетъ упорныя атаки обошедшаго его непріятеля на лѣвомъ флангѣ, при чемъ русскія войска вынуждены занять позиціи на три фронта, а затѣмъ стремительной кавалерійской атакой опрокидываетъ противника и принуждаетъ его къ безпорядочному отступленію. Самъ Панинъ въ письмѣ къ брату такъ характеризуетъ этотъ бой: «Непріятель пополудни въ два часа, ... держась только правила своего, дабы самому атаковать, въ началѣ третьяго часа пополудни атаковать насъ наижесточайшимъ образомъ началъ. Правда, что атаки его были самыя смѣлыя, наступленіе произвелъ наипорядочное и производилъ ихъ одну послѣ другой пять, не взирая на то, что храбростію и преудивительнымъ постоянствомъ, терпѣніемъ и послушаніемъ нашихъ войскъ, онъ всегда съ великимъ урономъ и разстройкою отбитъ былъ и ни одинъ разъ не могъ не единаго полка вступившихъ сначала въ нашу первую линію въ разстройку привести или къ одному шагу отступленія принудить, такъ что одни тѣ полки безъ всякой перемѣны рѣшили все дѣло и непріятеля отъ послѣдней атаки совсѣмъ отступить принудили».[2]) Точно также и при Кунерсдорфѣ находящіеся подъ командой Панина войска выдерживаютъ въ теченіе долгаго времени атаки превосходящаго его силами непріятеля, что въ конечномъ счетѣ приводитъ къ побѣдѣ русскихъ войскъ.[3]) Такая дѣятельность войскъ возможна только въ результатѣ опредѣленной подготовки, которую несомнѣнно Панинъ велъ въ теченіе всего времени своей службы при Ферморѣ. Тѣмъ же онъ занимается и въ Финляндіи, устраивая и подготовляя войска въ предвидѣніи военныхъ дѣйствій. Уже изъ одного этого мы видимъ, что Панинъ дѣлалъ главную ставку на духъ войскъ. Именно духъ войскъ давалъ возможность вести тѣ ожесточенные бои пѣхоты съ кавалеріей, которые описывалъ Петръ Ивановичъ въ письмахъ къ брату.[4])

---

1) Гейсманъ и Дубовскій, op. cit. 7-10.
2) Ibid. стр. 11-13.
3) Ibid., стр. 15-16.
4) Русскій Архивъ, 1888, II, 67-71.

Приведемъ еще одинъ, чрезвычайно интересный, фактъ. Ведя свою 2-ю армію къ Бендерамъ, пройдя Елисаветградъ, онъ началъ сосредоточивать армію у Выси, а затѣмъ, перейдя къ Злынкѣ, долженъ былъ выжидать прибытія подвижного магазина. Панинъ использовалъ эту остановку, чтобы произвести своей арміи «смотръ съ м а н е в р а м и». Перейдя же у Ольвіополя Бугъ, Панинъ издалъ «Наставленіе... войску на предводительство въ наступательныя дѣйствія противу войска турецкаго» и въ этомъ «Наставленіи» писалъ, что атаки непріятеля не могутъ быть страшны «нашему регулярному фронту, если ... оный въ сомкнутыхъ рядахъ и шеренгахъ мужественно приметъ ихъ примкнутыми на своихъ фузеяхъ, гораздо длиннѣе сабель, штыками» и приводилъ примѣры, когда «безъ пальбы но едиными штыками гораздо превосходное себя число ... побѣждали ... соблюдая ... порядокъ въ непотеряніи своихъ сомкнутыхъ рядовъ ... и когда выстрѣлъ произведутъ ... когда ружья передовыхъ непріятелей своими достигнутъ, ибо на такой уже ближней дистанціи ни одна пуля никого не минетъ». Заключалось «Наставленіе» требованіемъ, чтобы «сіе наставленіе читано было передъ полками, ротами и командами ко внимательнѣйшему во оное вразумленію всякаго чина, а н а и п а ч е н и ж н и х ъ».[1])

Всѣ эти данныя показываютъ, какъ много общаго было въ военныхъ системахъ Суворова и Панина. Оба стремятся воспитать свои войска, чтобы каждый боецъ былъ сознательнымъ участникомъ боя, а не оживленнымъ механизмомъ. Это могло быть достигнуто только системой воспитанія войскъ и оба военачальника все время направляютъ къ этому свою дѣятельность. И въ самомъ направленіи этой дѣятельности чувствуется нѣкоторая общность взглядовъ и системы воспитанія. Возможно, что именно эта общность взглядовъ и привела къ установленію тѣхъ дружескихъ отношеній, которыя проглядываютъ въ письмахъ Суворова къ П. И. Панину.

Гораздо труднѣе установить характеръ личныхъ отношеній между Суворовымъ и Никитой Петровичемъ Панинымъ. Несомнѣнно личныя отношенія предшествовали тѣмъ формальнымъ, которыя создались въ результатѣ параллельныхъ дѣйствій Суворова — боевыхъ въ Италіи и Никиты Петровича — дипломатическихъ въ Берлинѣ. Однако, можно думать, что переписка ихъ является не только выраженіемъ чисто оффиціальныхъ отношеній.

Мы знаемъ уже, что Никита Петровичъ былъ горячимъ сторон-

---

[1]) Гейсманъ и Дубовской, op. cit., стр. 35-36.

никомъ коалиціи противъ Франціи, и стремился вовлечь въ эту коалицію Пруссію. Уже въ силу возложенной на него миссіи при Прусскомъ дворѣ, онъ долженъ былъ быть въ курсѣ событій на итальянскомъ театрѣ войны. Вотъ почему Суворовъ постоянно сообщаетъ ему о всѣхъ своихъ продвиженіяхъ и успѣхахъ. До насъ дошло нѣкоторое количество такихъ писемъ. Такъ, вѣроятно, концемъ мая Суворовъ сообщаетъ Панину о взятіи Александрійской цитадели и объ очищеніи города Волтурно и окрестностей Рима «отъ неистовыхъ французовъ». Изъ Новибоско 20 іюля Суворовъ посылаетъ свое типичное лаконическое сообщеніе:

«Новибоско, 20 іюля 1799. М. Г. графъ Никита Петровичъ;

Вашему Сіятельству вотъ и одинодесятидневная Мантуа.

Графъ Суворовъ-Рымникскій».[1])

А нѣсколько ранѣе, въ письмѣ отъ 15 іюня, Никита Петровичъ сообщаетъ гр. С. Р. Воронцову о полученіи имъ извѣстія отъ Суворова о взятіи Турина:

„Elle était accompagnée de ce peu mots: Богъ всемогущій даровалъ намъ Туринъ 15-го мая въ 3 час пополудни. Готовимся осаждать замокъ. Буду всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. Cette lettre à la manière de César est du 18 mai . . . PS. Alexandrie est à nous, mais pas encore la citadelle".[2])

Кромѣ Панина Суворовъ велъ въ это же время весьма дѣятельную переписку и съ другимъ представителемъ русской дипломатіи, прилагавшимъ усилія для составленія коалиціи, гр. С. Р. Воронцовымъ. Сохранился цѣлый рядъ писемъ. Не надо уже упоминать, что большая переписка велась Суворовымъ съ россійскимъ представителемъ при Вѣнскомъ дворѣ, Колычевымъ. Всѣ эти письма явно выражаютъ стремленіе Суворова продолжать войну съ Франціей въ составѣ той же коалиціи. Несомнѣнно, онъ былъ полнымъ единомышленникомъ Панина въ этомъ вопросѣ. Возможно даже, что и ранѣе ему приходилось бесѣдовать на эту тему съ Никитой Петровичемъ и уже тогда выяснилось ихъ единомысліе. Едва получивъ извѣстіе о назначеніи Никиты Петровича вице-канцлеромъ, Суворовъ спѣшитъ высказать свои планы дальнѣйшей кампаніи. Вѣроятно, въ день полученія этого извѣстія, 28 октября, пишетъ онъ гр. Воронцову:

---

1) **Брикнеръ, Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина, томъ IV, стр. 365.**

2) **Ibid. томъ IV, стр. 315.**

«Мнѣ остается однакоже открыться вамъ здѣсь съ дружескою откровенностью, что на Австрійскія войска не имѣю я причины жаловаться; потому что, бывъ побуждаемы соревнованіемъ, способствовали они многимъ успѣхамъ и, не взирая на порабощеніе всѣхъ и каждаго генерала къ начальствующему ими министру, съ должнымъ согласіемъ исполнялъ каждый свою обязанность, и всѣ они имѣли ко мнѣ привязанность. Буде же эрцъ-герцогъ Карлъ, по малочисленности нашего корпуса, дастъ мнѣ достаточное пособіе, то и здѣсь, съ помощію Божіею, надѣюсь я поправить всѣ послѣдовавшія нынѣ при Цюрихѣ несчастія».[1])

29 октября пишется письмо съ поздравленіемъ Никитѣ Петровичу. А нѣсколько позже, 17 ноября, Суворовъ высказываетъ въ письмѣ къ Колычеву одно основное условіе, котораго онъ добивается постоянно въ стремленіи покончить съ Франціей, — назначеніе его единымъ главнокомандующимъ союзными войсками: «мнѣ, всюду и гдѣ бы ни случилось, въ союзныхъ войскахъ быть главнымъ начальникомъ».[2]) А еще позже, уже изъ Праги, 17 декабря, онъ въ письмѣ къ Ростопчину развиваетъ цѣлый планъ дальнѣйшей кампаніи:

«О недостаткѣ въ нѣмецкой землѣ провіанту грезитъ Тугутъ, найдемъ его во Франціи.[3]) . . . В(еликобританцы) герои на океанахъ, невѣжды на сухомъ пути. Великодушные англичане думаютъ, что и я взъѣхавъ на декъ на буцефалѣ могу свѣтъ завоевать; иное варварскій карфмандель, иное малодіаметреные острова, они помнятъ Филадельфію. Одинъ десантъ вѣрнѣе, когда пойдемъ къ Парижу, для Лавандеи, ежели сіи вѣрноподданные пожелаютъ слѣдовать туда жъ, хотя въ нихъ тогда мало нужды. Остужено королевство французское поступкою

---

1) Архивъ князя Воронцова, кнгиа XXIV, стр. 349-350.

2) Русская Старина, 1900, май, стр. 319.

3) Это заявленіе находится въ полномъ противорѣчіи съ утвержденіемъ Ростопчина, якобы Суворовъ былъ противъ вступленія на территорію Франціи. Вотъ что писалъ Ростопчинъ въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову въ 1800 г.: „Всѣ остальныя операціи этой злосчастной и упорной войны происходили въ странахъ, покоренныхъ французскимъ оружіемъ, и въ самую Францію ни разу не вступали войска союзниковъ. Рѣшиться на это было бы опасно. Я опираюсь на мнѣніи покойнаго генералиссимуса, который смотрѣлъ на дѣла очень вѣрно. Удостоивая меня своей довѣренности, онъ многократно повторялъ, что вступленіе во Францію вызоветъ къ защитѣ ее всѣхъ ея обитателей и что покуда такъ называемая республиканская армія открыто не пожелаетъ возстановленія прежняго правительства, до тѣхъ поръ подавленіе республики останется лишь на бумагѣ, въ разглагольствованіяхъ эмигрантовъ-проходимцевъ и въ голосѣ политическихъ мечтателей.“ Русскій Архивъ, 1876, № 12, стр. 427.

съ Пьемонтомъ, вдвое работы, коли не времени, но не затруднительно. Австро-Россіяне чрезъ Гренобль, австрійцы на Франшконте, освободя Швейцарію и заградя внутренности. Хотя бы и затугутили или нѣчто по правиламъ вѣка — это секондеръ, нынѣ Италія наша!» [1])

Ясно, что извѣстіе о назначеніи Панина вице-канцлеромъ было радостнымъ извѣстіемъ для Суворова, это было осуществленіемъ его надеждъ на возможность продолженія войны съ Франціей и онъ спѣшитъ принести свои искреннія поздравленія Никитѣ Петровичу. Письмо это потому и написано имъ собственноручно и изложено такимъ яснымъ четкимъ слогомъ, что оно выражаетъ его искреннія чувства и искреннюю радость.

Прошли годы. Умеръ Суворовъ. Осуществилась не одна, а нѣсколько коалицій противъ Франціи. Уничтоженъ Наполеонъ и заточенъ на островѣ св. Елены. Дружба съ гр. С. Р. Воронцовымъ превратилась въ непримиримую вражду. Самъ Никита Петровичъ томится въ ссылкѣ, не имѣя возможности приложить свои силы и знанія къ работѣ на пользу родины. Умеръ Александръ I, державшій его въ ссылкѣ и не желавшій слышать о немъ, не желавшій принимать никакихъ его объясненій, никакихъ оправданій. И вотъ появляется новое собственноручное письмо Никиты Петровича, которое вызываетъ на цѣлый рядъ мыслей и соображеній. Текстъ этого письма слѣдующій:

«Село Дугино, Декабря 6-го дня 1825-го.

Дорогой мой Александръ Ивановичъ!

Во исполненіе обещанія моего поспѣшаю сообщить вамъ выписку изъ Русскихъ газетъ содержащую успокоительныя извѣстія о здоровьѣ Ихъ Императорскихъ величествъ достовѣрныя подробности о болѣзни покойнаго Государя и первыя распоряженія правительства. Царствующій Императоръ пребывая въ Варшавѣ не имѣлъ еще извѣстія о болѣзни Августѣйшаго Его Брата въ 21-й день минувшаго мѣсяца и курьеры скачутъ по всѣмъ направленіямъ для отысканія Его Величества и принятія Высочайшихъ Его повѣленій. Сіе самое безъ примѣрное положеніе дѣлъ есть притчиною, что Манифестъ немогъ еще послѣдовать.

Я вчера просилъ Николая Петровича Тимашева извѣстить меня

---

[1]) **Русская Старина, 1900, май, стр. 320-321.**

когда Указъ о присягѣ дойдетъ въ Сычевки, потому что я тамъ учиню оную вмѣстѣ съ протчими Господами дворянами.

Съ совершеннымъ почтенiемъ и преданностiю пребываю навсегда

Вашего Высокоблагородiя
покорнѣйшимъ слугою
Г. Н. Панинъ».

Это письмо представляетъ особый интересъ не только по своей датѣ, 6 декабря 1825 г., т. е. всего за недѣлю до декабрьскаго возстанiя, но и еще по нѣкоторымъ его частностямъ. Прежде всего ясно, что письмо адресовано заграницу — объ этомъ говорятъ слова «выписки изъ Русскихъ газетъ». Къ сожалѣнiю, адресатъ до сихъ поръ не поддается расшифровкѣ. Въ восьми-томномъ изданiи Брикнера [1]) среди множества корреспондентовъ Никиты Петровича встрѣчаются всего два Александра Ивановича, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть отожествленъ съ адресатомъ этого письма. При этомъ бросается въ глаза, что адресатъ этотъ не случайный, что онъ является лицомъ, имѣющимъ нѣкоторый вѣсъ и что онъ достаточно близокъ Никитѣ Петровичу. Въ пользу этого говорятъ такiя выраженiя письма, какъ обращенiе «дорогой мой», заключительная формула «вашего высокоблагородiя покорнѣйшимъ слугою», наконецъ, самый фактъ, что Никита Петровичъ пишетъ ему «во исполненiе обѣщанiя». Весьма соблазнительна была бы мысль увидѣть въ адресатѣ А. И. Тургенева, какъ разъ въ это время находившагося заграницей и выѣхавшаго туда незадолго передъ тѣмъ. Однако, ни среди опубликованныхъ матерiаловъ архива Никиты Петровича, ни среди матерiаловъ архива бр. Тургеневыхъ, не только нѣтъ никакихъ слѣдовъ переписки между ними, но нѣтъ даже никакихъ указанiй на возможность ихъ личнаго знакомства.

Но главный интересъ этого письма заключается даже не въ личности адресата, а въ самомъ его содержанiи. При внимательномъ его прочтенiи не можетъ не броситься въ глаза тотъ фактъ, что изъ текста письма совершенно неясна цѣль, съ которой письмо написано. Начинается письмо словами: «во исполненiе обещанiя моего поспѣшаю сообщить вамъ...»Что же хочетъ сообщить Никита Петровичъ своему адресату? Это прежде всего — «выписки изъ Русскихъ газетъ, содер-

1) Матерiалы для жизнеописанiя графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Спб.

жащія успокоительныя извѣстія о здоровьѣ ихъ величествъ»; затѣмъ — достовѣрныя подробности о болѣзни покойнаго императора и, наконецъ, первыя распоряженія правительства. Письмо писано 6 декабря, а извѣстіе о смерти Александра I было получено въ Петербургѣ уже 27 ноября.[1]) Если дѣло идетъ объ этихъ свѣдѣніяхъ, то Никита Петровичъ очень медленно «поспѣшаетъ» ихъ сообщить. Заграницу эти извѣстія, надо думать, дошли гораздо раньше, чѣмъ могло быть получено его письмо, посланное 6 декабря. Очевидно, сообщеніе выписокъ изъ русскихъ газетъ не имѣло особеннаго смысла, да еще въ спѣшномъ порядкѣ. Въ нѣкоторомъ противорѣчіи находится и сообщеніе о послѣднихъ распоряженіяхъ правительства въ связи съ заключающимся въ дальнѣйшемъ текстѣ письма свѣдѣніемъ, что не только манифестъ не могъ еще послѣдовать, но и самъ царствующій императоръ еще не знаетъ о томъ, что его царствованіе уже наступило, ибо его только еще разыскиваютъ курьеры, скачущіе по всѣмъ направленіямъ. Очевидно, цѣль письма не въ исполненіи обѣщанія сообщить эти свѣдѣнія, а въ чемъ то другомъ. Невольно является мысль, что письмо было написано ради послѣдняго его абзаца, т. е. ради сообщенія о томъ, что самъ Никита Петровичъ не собирается никуда изъ своего имѣнія выѣзжать и готовится къ принесенію присяги въ Сычевкахъ.

Интересно сопоставить съ этимъ письмомъ другое его же письмо, писанное Никитой Петровичемъ въ тотъ же день и тоже заграницу. Имѣемъ въ виду его письмо, къ сыну, Виктору Никитичу, находившемуся заграницей въ составѣ одной изъ русскихъ дипломатическихъ миссій. Въ этомъ письмѣ мы находимъ совершенно тѣ же свѣдѣнія, выраженныя почти буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ. Вотъ что пишетъ Никита Петровичъ сыну въ тотъ же день, т. е. 6 декабря:

„Des courriers vous apprendront sans doute avant moi, que l'Empereur Constantin a été proclamé dans les deux capitales et qu'on procedé maintenant partout à la prestations de foi et hommage. Mais ce que les premières dépêches pourraient ne pas contenir, c'est que l'Empereur aujourd'hui régnant ignorait encore à Varsovie le 21 nouv. st. la maladie de Son Auguste Frére, que personne ne sait la direction, qu'il a plu à S. M. I. de prendre, lorsqu' Elle a appris, que les jours du défunt étaient menacés.

Des courriers expédiés sur toutes les routes cherchent la Monarque; mais comme on ne peut pas prévoir le lieu où les dépêches Lui seront

1) Брикнеръ, Матеріалы, томъ VII, стр. 257.

remises, ni le changement, que ces dépêches apporteront à Son plan de voyage, il est impossible de déterminer le jour, auquel l'Empereur prendra les rênes de l'état."

И послѣ этихъ, мѣстами почти текстуально совпадающихъ съ нашимъ письмомъ, строкъ Никита Петровичъ добавляетъ почти то же, что онъ писалъ и «Александру Ивановичу»:

„Je reste ici jusqu'à ce que nouvelle positive de l'arrivée de l'Empereur dans Sa résidance me soit parvenue, parce que je pense, que le devoir d'un bon Russe est de veiller en personne au maintien de l'ordre public et de la tranquillité dans les lieux, qui sont sous sa dépendance, lorsque l'État se trouve dans des circonstances aussi grâves".[1])

Такимъ образомъ, здѣсь извѣстіе о его намѣреніи оставаться безвыѣздно въ своемъ имѣніи обосновывается еще чисто патріотическими соображеніями.

Наконецъ, тѣ же соображенія Никита Петровичъ повторяетъ еще разъ въ письмѣ къ сыну, написанномъ 14 декабря, въ которомъ онъ уже подробно сообщаетъ о поѣздкахъ вел. кн. Михаила Павловича изъ Варшавы въ Петербургъ и обратно, хотя еще ничего не знаетъ (или не высказываетъ въ письмѣ) о предположенномъ воцареніи Николая и все еще продолжаетъ называть царствующимъ императоромъ Константина. Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ:

„Aucun manifest n'a été publié et ne pouvait d'être, vu l'absence du Monarque. La tranquillité la plus parfaite règne dans la capitales et les provinces. Hors les gouvernements éloignés la prestation du serment déjà avoir eu lieu dans tout l'Empire.

Je me suis acquitté de ce devoir sans sortir de chez moi, parce qu'un fonctionaire a été envoyée chez chaque propriétair de district, en commençant par Douguino."

И здѣсь же онъ добавляетъ:

„C'est dans la matinée du 1 décembre que j'ai reçu par Moscou le premier avis du deuil de notre patrie. Je me trouvais alors à mon pavillon de chasse Забава. Ainsi il y a deux semaines que je suis dans l'attente du premier acte du nouveau règne et réduit à converser toujours en monologues." [2])

Интересно, что въ этомъ же письмѣ Никита Петровичъ завѣряетъ сына, что „Je n'ai pas de nouvelles de Pétersbourg pastérieurement du 8"

---

[1]) Брикнеръ, Матеріалы, томъ VII, стр. 256.
[2]) Брикнеръ, Матеріалъ, томъ VII, стр. 257-258.

и все же онъ опять настойчиво повторяетъ, что остается въ имѣніи безвыѣздно. Невольно напрашивается мысль, что онъ писалъ не столько для сына или для неизвѣстнаго намъ Александра Ивановича, сколько для тѣхъ лицъ, которые, онъ очевидно въ этомъ былъ твердо увѣренъ, будутъ перлюстрировать его письма. Очевидно, у него были для этого основанія. Вспомнимъ письмо Муравьева-Апостола къ гр. Воронцову, въ которомъ онъ описываетъ исторію первой опалы Никиты Петровича. Тамъ между прочимъ имѣются и такія строки: «Надо знать Вашему Сіятельству, что когда Панинъ уѣзжалъ отсюда, Государь именно приказалъ задерживать всѣ его письма и докладывать о лицахъ, съ которыми онъ будетъ переписываться».[1]) Повидимому, Никита Петровичъ или опасался, что при замѣшательствѣ, обозначившемся въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смѣну царствованія, могутъ быть приняты мѣры, которыя нѣкогда, въ 1800 г., были приняты въ отношеніи его, или имѣлъ возможность убѣдиться что и при Александрѣ I за нимъ продолжался тотъ же неуклонный надзоръ. Во всякомъ случаѣ, можно допустить, что истомленный долгой ссылкой и вынужденнымъ бездѣліемъ при его активной натурѣ, рвущійся къ активной дѣятельности, Никита Петровичъ хотѣлъ выказать себя лояльнымъ и боялся, чтобы при новой смѣнѣ на престолѣ на него опять не легла какая либо тѣнь. Съ такимъ предположеніемъ гармонируетъ еще одно свѣдѣніе, сообщаемое Брикнеромъ. Онъ сообщаетъ, что «въ это время въ Дугинѣ проживала съ мужемъ г-жа Пайэль (Payelle). Она разсказывала о случившейся въ концѣ 1825 года перемѣнѣ слѣдующее.

Однажды она съ мужемъ сидѣла за столомъ у гр. Никиты Петровича, какъ вдругъ доложили, что прибылъ курьеръ изъ Петербурга. Вошелъ курьеръ и вручилъ пакетъ графу, который, въ крайнемъ волненіи прочитавъ извѣстіе о кончинѣ Государя, сообщилъ объ этомъ присутствующимъ. Г-жа Пайэль не удержалась воскликнуть: „Oh, tant mieux, monsieur le comte, vos souffrances et votre exil prendront une fin". Она говорила послѣ, что не забудетъ выраженія лица графа, который выпрямился и строго отвѣтилъ ей: „Madame, veuillez ne plus oublier, qu'en ma présence il ne faut parler qu'avec le plus profond respect de mon Sauverain!"[2])

Это извѣстіе даетъ намъ еще одно доказательство, что Никита Петровичъ въ это время болѣе всего стремился, чтобы не было никакихъ

---

1) Русскій Архивъ, 1876, I, стр. 125.

2) Брикнеръ, Матеріалы, томъ VII, стр. 229.

основанiй заподозрить его въ неуваженiи къ государю или въ какой либо нелояльности. Находилось ли это въ связи съ тѣмъ фактомъ, что, какъ объ этомъ имѣются какiя то неясныя данныя, якобы декабристы включали его въ списокъ намѣченнаго ими Временнаго Правительства, о чемъ Никита Петровичъ могъ знать, или только съ его дѣйствительнымъ желанiемъ вернуться къ активной дѣятельности, — у насъ пока нѣтъ данныхъ утверждать. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что самъ Никита Петровичъ въ это время еще не терялъ надежды къ ней вернуться. Объ этомъ свидѣтельствуетъ особая записка, составленная имъ въ самомъ началѣ 1826 года и озаглавленная имъ — „Les motifs, pour lesquels il me répugne de faire usage de la bonne volonté de mes amis à l'effet d'obtenir un changement dans mon sort". [1])

---

[1]) Настоящiя соображенiя были изложены въ видѣ доклада въ засѣданiи Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ. Присутствовавшая въ засѣданiи графиня Софья Владимировна Панина въ дополненiе къ докладу сообщила слѣдующiя данныя изъ семейнаго преданiя.

Какъ извѣстно, роды графовъ Паниныхъ и графовъ Орловыхъ находились въ непримиримой враждѣ, которая неоднократно проявлялась въ эпоху Никиты и Петра Ивановичей Паниныхъ. Вражда эта закончилась романтической женитьбой Никиты Петровича Панина на дочери бывшаго Президента Имп. Академiи Наукъ графинѣ Софьѣ Владимировнѣ Орловой, при чемъ Петръ Ивановичъ самъ выступалъ въ качествѣ свата за своего сына. Послѣ вступленiя на престолъ Николая I, бывшiй уже глубокимъ старикомъ гр. В. Орловъ явился къ молодому государю и, ставъ передъ нимъ на колѣни, просилъ объ исполненiи его просьбы, при чемъ сказалъ, что не встанетъ съ колѣнъ, пока государь не обѣщаетъ ему своей милости. Онъ просилъ о снятiи опалы со своего зятя, Никиты Петровича Панина, и о возвращенiи его къ активной дѣятельности. На это Николай Павловичъ отвѣтилъ, что это единственная просьба, которую онъ не воленъ исполнить, такъ какъ далъ своей матери клятвенное обѣщанiе, что Никита Петровичъ никогда не будетъ прощенъ. Тогда выяснилось, какова была дѣйствительная причина ссылки Никиты Петровича.

Разгорѣвшаяся вражда между нимъ и гр. С. Р. Воронцовымъ, которая по словамъ Брикнера представляетъ собою психологическую проблему (Русск. Бiограф. Словарь, выше назв. томъ, стр. 210), привела будто бы къ тому, что пылавшiй ненавистью къ Панину Воронцовъ показалъ имп. Александру I письмо Никиты Петровича, въ которомъ онъ нелестно отзывался о молодомъ государѣ (такое письмо среди печатныхъ матерiаловъ пока неизвѣстно.) Существовало ли въ дѣйствительности такое письмо или оно явилось сплошнымъ измышленiемъ Воронцова, но мстительный Александръ дѣйствительно жестоко отомстилъ предполагаемому своему оскорбителю: онъ сообщилъ своей матери, что имѣетъ документальныя доказательства несомнѣннаго участiя Никиты Петровича Панина въ убiйствѣ Павла Петровича, и императрица взяла съ своихъ сыновей клятву, о которой и сообщилъ императоръ Николай Павловичъ графу Орлову.

Это семейное преданiе вполнѣ обосновываетъ иначе совершенно непонятную и незаслуженную тяжелую судьбу одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ дипломатовъ, отъ котораго Россiя могла бы ожидать еще многихъ весьма цѣнныхъ услугъ.

32

